

ОБ АДРЕСАТЕ СТИХОТВОРЕНИЯ К. Л. ХЕТАГУРОВА «САЛАМ»

А. А. ТУАЛЛАГОВ,
доктор исторических наук, заведующий отделом археологии
СОИГСИ им. В. И. АБАЕВА

Бесспорно, в поэтическом наследии К. Л. Хетагурова одно из самых видных мест занимает его стихотворный сборник «Ирон фæндыр». Основная часть стихотворений, составивших этот сборник, была обработана поэтом, судя по одному из его писем от 20 августа, в 1897 г. Законченная рукопись всего сборника датируется 3 сентября 1898 г. После долгой цензурской проверки разрешение на издание было дано 4 ноября 1899 г. Само печатное издание вышло в свет 26 декабря 1899 г. Но в данном издании отсутствовало стихотворение «Салам», которое будет включено в следующее издание «Ирон фæндыр». Его подготовка началась в 1906 г., после смерти поэта, и была завершена новым изданием в 1907 г. Именно данное небольшое стихотворение [1], а точнее, вопрос о его адресате, до сих пор остается в поле дискуссии специалистов:

*Хуцауæй арфæгонд нæ фестæм, –
Нæ сæртæ нал сты ныр нæ бар,**

* По непонятным причинам, в послереволюционных печатных изданиях и коллективных рукописях для изданий данная строка подвергается переделке: «Нæ сæртæ нал ысты нæ бар», «Нæ сæртæ нал æсты нæ бар». См. Подстрочный перевод «Ирон фæндыр» («Осетинская лира») // Научный архив СОИГСИ. Оп. I. П. 14. Д. 102. Л. 20; Коста Хетагуров. Собрание

Салам.

*Дæ цардæй арфæгонд нæ фестæм,
Нæ сæртæ нал сты ныр нæ бар,
Æмæ дæ сæртæ зæгъын хъом нæ стæм
Дæ сæртæ, фестæм нæ сæртæ нæ бар!..*

*Нæ зонд цыбыр, мæгур нæ зардæ,
Æдыр, фæллад лæгау, нæ дзырд...
Фыдæн нæ дзыллайæн æгæрдæ,
Æвгъау у мах хæхтæн дæ цыт!..*

*Дæ кад мæггагæ у царинаг,
Дæ ацард – кæ, ныр дæр – сæдæ:
Зæххæ дæ нæ баллад кæстæн,
Дæ мæстæ амæртæ фестæ*

*Æмæ дæ сæртæ зæгъын хъом нæ стæм
Дæуæн, фæллæ нын æй ныр бар!..*

*Нæ зонд цыбыр, мæгур нæ зардæ,
Æдыр, фæллад лæгау, нæ дзырд...
Фыдæн нæ дзыллайæн æгæрдæ,
Æвгъау у мах хæхтæн дæ цыт!..*

*Дæ кад мæггагæ у царинаг,
Дæ ацард – гъеныр дæр – сæдæ: ***

сочинений в пяти томах. М., 1959. Т. I. С. 218.

** Данная строка также была подвергнута посторонней немотивированной переработке уже с выхода второго, посмертного издания «Ирон фæндыр»: «Дæ цард йе-ныр дæр у сæдæ», «Дæ цард гъе-ныр дæр у сæдæ», «Дæ цард гъе-ныр дæр у сæдæ». См. Коста. Ирон Фæндыр. Владикавказ, 1907. Ф. 25; Коста. Ирон фæндыр.

особой надобности искать адресата» [12, 312].

Действительно, окончание стихотворения «Салам» взято из чернового варианта стихотворения «Марды уәлхъус» («У могилы», «У гроба»), написанного 3 марта 1891 г. на смерть М. З. Кипиани. В том стихотворении оно звучало так [13, 180-181]:

*Дæ кад мыггагмæ у цæринаг,
Дæ цард йæхæдæг уйд сæдæ
Зæххыл дын нал баззад кæнинаг,
Дæ мæсыг амайын фæдæ.*

Но затем оно было изъято самим поэтом. Н. Г. Джусойты заметил, что строка из «Марды уәлхъус» – «Дæ цард йæхæдæг уйд сæдæ» – несколько изменена в «Салам» – «Дæ ацард – гъеныр дæр – сæдæ» («Твоя жизнь и теперь (даже теперь) есть сто»). В данном случае нам следует абстрагироваться от поэтического восприятия строки первого варианта, которое передается Н. Г. Джусойты как «Твоя жизнь сама равна ста жизням». Дословно она означает «Твоя жизнь сама была сто», т. е. была передана именно в прошедшем времени. В «Салам» происходит перевод обращения в настоящее время.

Кроме того, поэт заменяет начало строки «Дæ цард...», т. е. «Твоя жизнь...», на «Дæ ацард...», которое можно перевести как «Тобой прожитое...». Интересно, что исправлявшие рукописный вариант лица, по существу, вернули нам вариант из «Марды уәлхъус». Но тонкая переделка, произведенная К. Л. Хетагуровым, лишь подчеркивает, что поэт, в отличие от подведения итогов всей жизни М. З. Кипиани, теперь оценивает лишь прожитый другим лицом период жизни, которая еще далека от своего завершения. Таким образом, текстологический анализ, опускавшийся исследователями, недвусмысленно указывает на то, что пере-

работка строфы свидетельствует о ее явном переводе в обращение к живому человеку, достаточно наглядным (необходимым) образом и для тех, кто знал о первом варианте, который, кстати, получил рукописное распространение.

Показательно, что К. Л. Хетагуров в рукописи особо выделяет «гъеныр дæр» через тире, которые исчезают в печатных изданиях. Подобными исправлениями занимался еще Г. В. Баев и некоторые другие лица. Отношение к ним самого Коста Левановича было резко выражено в его письме Г. В. Баеву от 19 июля 1899 г., содержание которого давно и хорошо известно исследователям: «Ведь я тебя неоднократно самым серьезным образом просил и предупреждал, чтобы ты при издании моих стихов ни на йоту не отступал от рукописи, даже в орфографии. Если я пишу то или другое слово так, а не иначе, то я пишу сознательно, я над ним долго ломал голову и не хочу ни тебе, ни кому бы то ни было позволить изменять их без моего ведома, бездоказательно, и тем более в стихотворениях, где не должно быть ни одного лишнего звука или недостатка в нем и где каждая буква занимает рассчитанное заранее автором место» [14, 143].

Данная отповедь только лишний раз подчеркивает, что исследователи должны опираться на анализ содержания рукописей К. Л. Хетагурова, отражающих само действие и суть поэтической мастерской автора. Именно при таком подходе и актуализируется действительное восприятие интересовавшей нас строки. Кроме того, в рукописном варианте «Салам» вторая строка первой строфы дана как «Нæ сæртæ нал сты ныр нæ бар», т. е. «Над своими головами мы *теперь* не властны». Таким образом, в стихотворении «Салам» дважды подчеркивается, что речь идет о современном поэту состоянии, в рам-

ках которого и звучит обращение к его живому современнику.

Н. Г. Джусойты, полемизируя с оппонентами, указывает, что число 100 являлось условно-метафорическим в стихотворении «Марды уæлхъус». Но при переносе его в «Салам» приобрело уже значение реального числа лет жизни адресата, что ведет к выводу о его связи с празднованием 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина. Сама конкретная трактовка обретения нового значения числа 100 выглядит натянутой. В любом случае, прямой перенос строфы из одного стихотворения в другое свидетельствует лишь о том, что она а priori не имеет никакого непосредственного отношения к образу А. С. Пушкина и к посвящению ему. Видимо, следует помнить и о том, что осетинское *садаæ* («сто») редко употребляется самостоятельно, выступая, как правило, частью словосочетания [15, 91]. Таким образом, его введение в «чистом виде» в стихотворение «Салам», а также его позиция в строке, сами по себе, только усиливают метафоричность его восприятия.

Из всех приведенных доводов Н. Г. Джусойты важными остаются те, которые указывают на иноплеменность адресата, а также на его признание высшим авторитетом в искусстве слова для поэта, отцом, другом осетинского народа и столь великим человеком, что позволяло обращаться к нему от имени народа. Заслуживает внимания и наблюдение, что в тексте число 100 понимается как увеличивающееся, растущее, и этим подчеркивается, что жизнь лица, к которому поэт обращается, не окончена. Пожалуй, здесь автору стоило бы прервать свое наблюдение, поскольку дальнейший вывод о продолжении жизни адресата в его славе вновь немотивированно склоняется к признанию обращения как к физически умершему человеку.

Не только К. Ц. Гутиев не принял решения Н. Г. Джусойты. Так, С. Б. Сабаев точно подметил, что стихи К. Л. Хетагурова, посвященные русским писателям, деятелям культуры и просвещения, всегда были написаны на русском языке, т. е. на том языке, на котором творили его адресаты, и который был им понятен. В данном же случае стихи написаны по-осетински и предполагают знание осетинского языка лицом, которому они посвящены [16, 96-97]. Данный весомый аргумент повторяет и Т. А. Гуриев, справедливо указывая на еще один факт, препятствующий принятию предложения Н. Г. Джусойты. Последний подметил, что К. Л. Хетагуров в стихотворении просит извинить свое «бессильное слово», просит, как «ученик» «мастера». Но Коста не мог так по-осетински обращаться к А. С. Пушкину, поскольку тот не имел никакого отношения к осетинскому языку [2, 151].

Наконец, К. Ц. Гутиев предположил, что адресатом стихотворения К. Л. Хетагурова был В. Ф. Миллер, а само стихотворение, вероятно, датируется 1900 г. [12, 717], но ничем не аргументировал такую возможность. Т. А. Гуриев заключил, что мы должны воздать должное К. Ц. Гутиеву, т. к. «... он назвал имя адресата...». Сам исследователь полагает, что «этим неназванным адресатом стихотворения «Салам» мог быть только Всеволод Федорович Миллер». В подтверждение такого решения Т. А. Гуриев приводит следующие аргументы:

- адресат стихотворения был живым современником К. Л. Хетагурова;
- среди современников поэта не было человека, который бы столько сделал для просвещения и культуры осетин, сколько сделал В. Ф. Миллер, чьи выдающиеся заслуги в становлении осетиноведения, изучения истории, культуры и особенно осетинского

языка, принесли ему заслуженную славу среди ученых всего мира;

– В. Ф. Миллер неоднократно бывал в Осетии в научных экспедициях, имел большой круг знакомых среди осетин, с которыми тесно сотрудничал и которым помогал в получении образования, а с некоторыми из них у него сложились особенно доверительные отношения, основанные на самом высоком признании авторитета исследователя;

– все это знал и высоко ценил Коста Хетагуров, гордившийся и лично той лестной характеристикой, которой он был удостоен В. Ф. Миллером за первое издание «Ирон фæндыр»;

– не исключено, что число 100 в стихотворении имеет и символический смысл: это возраст тех, кто получил благословение Бога, а само стихотворение предположительно могло быть написано в честь 50-летия В. Ф. Миллера в 1898 г. [2, 144-152; 17].

Но, на наш взгляд, для категоричного, окончательного утверждения, что «... не названным адресатом стихотворения «Салам» мог быть только Всеволод Федорович Миллер» все же нет надежного основания, т. к. не было приведено ни одного прямого тому доказательства. Вопрос так и остается открытым, имея лишь косвенные, логические наблюдения для своего *возможного* решения. А, как вполне убедительно замечает сам Т. А. Гურიев, «в теории познания со времен античности факты считаются самыми надежными свидетелями истины... факты, эти упрямые вещи, способны подтвердить истинность поставленного под сомнение, но они могут опровергнуть любое, красиво сложенное, словесное сооружение, если оно не соответствует истине» [2, 148-149].

Так есть ли хоть один факт, который бы непротиворечиво указывал

на действительного адресата стихотворения Коста? На наш взгляд, его поиск имеет свою перспективу. Еще К. Е. Гагкаев привел краткую цитату из поздравительного адреса В. Ф. Миллеру, написанного на осетинском языке, в который была включена последняя строка стихотворения «Салам»: «Ирон адæмы æрдхорд æмæ фæтæг Миллэртты Всеволод!... Цалынмæ ирон тугæй ирон зæрдæйы цалх зила урссæр Кавказы астæу, уалынмæ дæ ном цæрдзæн н'астæу, уымæн æмæ лæг уыдтæ... «Дæ маesyг амайын фæдæ!.. (Къоста, Ирон фæндыр)» [17, 32]. К сожалению, исследователи, в первую очередь филологи, не обратили на данный факт должного внимания. Приведем полностью текст выборочно цитировавшегося документа [18, 22]:

**Арфæй чиныг.
1881-1906 аз.**

**Ирон адæмы æрдхорд æмæ фæтæг,
МИЛЛЕРТЫ ВСЕВОЛОД!**

Фондз æмæ сæдз азы айвгъудта, Ды дæ диссаг, Ирон зæрдæйен адчын, сæры фæллоу – «Осетинские этюды» – ку рауахтой, уæдæй нырма...

Бирæ бафæллоу кодтой Ды уй фæстæ нæ Ирон номы тыххæй – нæ фыдæлты таурæгътæ, зарджытæ, зæрондныхæстæ æмæ аргъæудтæ рамбырдкотай, нæ рагон заманы цард (история) равзæрстай, нæ магур нырма æвзаг сбуц кодтай...

Дæ знаргъ чингутаёй фидар бындур, хорз сæрæвæрæн ныссагътай н'астæу нæ стыр ныфсæн – Ирон чиныгæн æмæ литературæн...

Дæ чингутаё сцырын кодтой Ирон фæсивæды зæрдæтæ.

Бирæтæ, Дæума гæскаæ, кусын байдыдтой уцы фæндагыл нæ магур адæмы амондæн...

Ног тохы цардмæ нын дæ чингутаё фæндаг бацамдтой, дордтæ бакодтой...

А р ф æ ј ч и н ʋ г.

1881—1906 аз.

Ирон адæм ʋ æрдхорд æмæ фæтæг,

Миллерт ʋ Всеволод!

Фонд æмæ сæд аз ʋ айвудта, Д ʋ дæ диссаг, Ирон зæрдæјен адч ʋ, сæр ʋ фæллој—„Осетинские этюды“—к ʋ ра ʋахтој, ʋæдæј нурмæ...

Бирæ бафæллој кодтој Д ʋ уј фæстæ нæ Ирон ном ʋ т ʋхæј—нæ ф ʋдæлт ʋ та ʋрæфтæ, зардæнтæ, зæронд н ʋхæстæ æмæ ар ʋæ ʋдтæ рамбурдкотај, нæ рагон заман ʋ цард (исторіа) равзæрстај, нæ мæгур нурмæ æвзаг ебуц кодтај..

Дæ знар ʋ чингутај фидар б ʋндур, хорз сæрæвæрæн н ʋсæфтај н'астæ ʋ нæ ст ʋр н ʋфсæн—Ирон чингæн æмæ литературæн...

Дæ чингута ед ʋр ʋн кодтој Ирон фæсивæд ʋ зæрдæтæ.

Бирæтæ, Дæ ʋмæ гæскæ, кус ʋн бајдудтој уц ʋ фæндаг ʋ нæ мæгур адæм ʋ амондæн...

Ног тох ʋ цардмæ н ʋн дæ чингута фæндаг бацамдтој, дордтæ бакодтој..

Дæ ʋмæ гæскæ, бирæтæ бæрзонд сæр ʋ зонд ʋ фæллæјлтæ Ирон адæм ʋ ном ʋ ра ʋахтој...

Бузн ʋг, ст ʋр бузн ʋг Д ʋн зæ ʋнц Ирон адæм м ʋгкæгæј м ʋгкæгмæ...

Цал ʋммæ Ирон тугæј Ирон зæрдæј цалх зила урссæр Кавказ ʋ астæ ʋ, ʋал ʋммæ Дæ ном цардæн н'астæ ʋ, умæн æмæ лæг удтæ æмæ...

„Дæ мæсс ʋг амаин фæдæ!...“

Коста.—„Ирон фæнд ʋр“

Цæр н ʋн! цæр бирæ, бирæ æзт ʋ амондæснæј æмæ т ʋхч ʋнæј...

Лæгт ʋ хіца ʋ Ир ʋ с ʋрдæг ʋ аст ʋрдæс фод дæ қузон д'ал ʋ қудтадæс...

Бæрзонд ф ʋдæлт ʋ Реком, табу Јехіцæн, фод дæ қарқæнæг...

Ц ʋшпурев мæј 6 н ʋмæц 1906 аз.

Д з æ ʋ д æ с ʋ г а ʋ.

Дæумæ гæскæ, бирæтæ бæрзонд сæры зонды фæллæйдтæ Ирон адæмы номыл раухтой...

Бузныг, стыр бузныг Дын зæгъынц Ирон адæм мыгкагæй мыгкагмæ...

Цалынмæ Ирон тугæй Ирон зæрдæй цалх зила урссæр Кавказы астæу, уалыммæ Дæ ном цæрдзæн н'астæу, умæн æмæ лæг удтæ æмæ...

«Дæ мæссыг амайын фæдæ!..»

Коста. – «Ирон фæндыр»

Цæр нын! Цæр бирæ, бирæ азты амонджынай æмæ тыхчынай...

Лæгты хицау Иры сыгъдæг Уастырджы фод дæ хъызон д'алы хъыдтаджы...

Бæрзонд фыдæлты Реком, табу йе-хицæн, фод дæ хъахъхъæнаг...

Цыппурсы мæй 6 нымæц 1906 аз.

Дзæуджыкъау.

Перевод:

Поздравительный адрес.

1881-1906 г.

**Осетинского народа побратим и вождь,
МИЛЛЕРТЫ ВСЕВОЛОД!**

Двадцать пять лет минуло с тех пор, как Вы свой удивительный, дорогой осетинскому сердцу, главный труд – «Осетинские этюды» – выпустили...

Много трудились Вы после этого во имя осетин – предания старины, песни, древние слова и сказки собирали, нашу прошлую жизнь (историю) изучая, нашему бедному до сих пор языку уделили огромное внимание...

Вашими ценными книгами прочное основание, хорошее начало заложили у нас нашей большой надежде – осетинской книге и литературе...

Ваши книги вдохновили сердца осетинской молодежи.

Многие, благодаря Вам, стали работать на этом пути для счастья нашего бедного народа...

К новой жизни нам Ваши книги указали путь, открыли двери...

Благодаря Вам, были изданы многие высокоинтеллектуальные труды, посвященные осетинскому народу...

Спасибо, большое спасибо Вам говорят осетины во веки веков...

Пока осетинской кровью кружится колесо осетинского сердца посреди седоглавого Кавказа, до тех пор Ваше имя будет жить в нас, потому что ты был мужчиной и ...

«Свою башню строить закончил!..»

Коста. – «Ирон фæндыр»

Живи для нас! Живи долго, многие годы счастливым и сильным...

Покровитель мужчин, святой Уастырджи Осетии пусть станет твоим помощником во всех делах...

Высокий Реком предков, слава ему, пусть станет твоим защитником...

6 декабря 1906 г.

Владикавказ.

Данный поздравительный адрес приурочен к празднованию 15 декабря 1906 г. 25-летия председательства В. Ф. Миллера в Этнографическом отделе Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии (ОЛЕАЭ) при Московском университете и 30-летия его учено-литературной деятельности. Данный юбилей счастливо совпал с 25-летием выхода в свет первого тома «Осетинских этюдов», который практически открыл новую осетиноведческую эпоху и имел огромное значение для культуры всего осетинского народа.

Следует, видимо, возразить предположению о написании стихотворения «Салам» к 50-летию В. Ф. Миллера в 1898 г. Данное стихотворение не вошло в первое издание «Ирон фæндыр». Закончена рукопись сборника была 3 сентября 1898 г. 50-летний юбилей В. Ф. Миллера к тому времени уже давно состоялся (7 апреля 1898 г.).

К. Л. Хетагуров очень хорошо знал о великих заслугах В. Ф. Миллера перед осетинским народом. Кроме того, еще в долгий предшествующий период подготовки сборника, как указал сам Т. А. Гуриев, например, Г. В. Баев 16 июля 1893 г. писал поэту: «Миллер занят в настоящее время составлением осетинско-русско-немецкого словаря, собрано у него более 8000 слов. Это будет капитальный труд, а для нашей интеллигенции и весьма необходимый, потому что большинство из нас весьма поверхностно знает свой язык, который далеко не так беден, как это утверждают некоторые!.. Издать («Ирон фæндыр» – А. Т.) можно будет и в Москве, где имеется у Миллера и шрифт подходящий, да и цензором можно попросить стать самому Миллеру!...» [19, 5]. Поэтому, если бы Коста написал посвященное В. Ф. Миллеру стихотворение, он непременно бы включил его в свою окончательную рукопись для первого издания. Причем, данное стихотворение, бесспорно, не только проходило бы цензуру, но и обеспечивало бы всему сборнику дополнительное одобрение (вспомним, как при обосновании включения в сборник стихотворения «Уæлмæрдты» («На кладбище») апеллировали, в том числе, именно к авторитету В. Ф. Миллера).

Стихотворение «Салам» относится к числу тех стихотворений, которые не вошли в первое издание «Ирон фæндыр», но были опубликованы во втором издании. Практически все они (кроме не включенных в первое издание по цензурным причинам) датируются 1899-1901 гг. Обращает на себя внимание и тот факт, что некоторые из стихотворений были опубликованы в периодической печати в 1906-1907 гг., став посмертными публикациями К. Л. Хетагурова (умер в апреле 1906 г.).

Само второе издание «Ирон фæндыр» стало готовиться вскоре после смерти поэта. Так, в газете «Терек» за 8 июня 1906 г. А. З. Кубаловым и А. С. Бутаевым было опубликовано соответствующее объявление с просьбой присылать не вошедшие в первый сборник стихи. 27 октября 1906 г. К. Хетагуров выслал Г. В. Баеву некоторые из таких стихов, в том числе и «Салам» [13;396, 399].

Итак, приведенный поздравительный адрес предоставляет нам единственный известный пример, когда стихотворение «Салам» использовано в обращении к конкретному человеку – В. Ф. Миллеру. Обратим внимание и на то, что оно частично цитируется в документе 1906 г., т. е. до его непосредственного выхода в свет в 1907 г., но совпадая по времени со сбором и публикациями новых стихов, которые войдут во второе издание «Ирон фæндыр». Видимо, оно было приведено в поздравительном адресе теми людьми, которые готовили новое посмертное издание «Ирон фæндыр» (в адресе оно так и обозначено) и могли знать, кому посвящено данное стихотворение, что и позволило им привести цитату из стихотворения уже скончавшегося поэта еще до его полной публикации.

Само стихотворение полностью не вошло в адрес, видимо, по объективной причине. Ограниченный формат поздравительного адреса при включении в него полного текста стихотворения не оставлял бы необходимого места для поздравления от лица всей Осетии. Но, как видно, составители адреса сумели объединить оба поздравления, о чем свидетельствует сам текст адреса, в котором представлены прямые параллели содержанию стихотворения в целом. По существу, мы имеем дело с вольным, нестихотворным пересказом произведения К. Л.

Хетагурова. Причем, данный пересказ, благодаря своей прозаической форме, имеет расширенный и более доступный для восприятия характер, что, в свою очередь, позволяет нам уточнить смысл поэтических строк, т. к. в нем передается их восприятие самими осетинами.

Обращение к Всеволоду Федоровичу как к побратиму (а побратимство у осетин ценилось выше даже кровного родства) и вождю осетинского народа, сопровождаемое передачей его фамилии через осетинскую форму, соответствует стихотворному обращению от лица народа как к отцу народа и даже больше. Такое обращение сопровождается (объясняется) перечислением величайших заслуг ученого перед народом, который их знает и высоко ценит, что соответствует оценке в стихотворении. Заметим, что обращение к адресату как к отцу народа и даже больше не имело бы никакого основания для обращения к А. С. Пушкину. Органичное сочетание осетинского языка поздравительного адреса (единственного в таком роде) со строкой на осетинском языке из стихотворения вполне достойно именно для восприятия самим В. Ф. Миллером.

Провозглашение вечной благодарности и славы адресату стихотворения находит свое яркое выражение в адресе. В последнем представлен и образ седоглавого Кавказа, среди которого живут осетины, вечно благодарные В. Ф. Миллеру, живущему вне этих гор, что соответствует образу родных для осетин гор стихотворения и негорскому происхождению приветствуемого. Сетование на тяжелую жизнь народа в стихотворении, которое позволительно при обращении к подобному человеку, вполне соответствует характеристике в адресе состояния народа, которое начинает преодолеваться благодаря

трудам ученого. Причем, мы прекрасно знаем, что В. Ф. Миллер всегда живо интересовался положением дел в Осетии, наблюдая его и лично. Подмеченное исследователями обращение Коста как «ученика» к «мастеру» слова также полностью раскрыто в адресе.

Проблема присутствия числа 100 в стихотворении вполне может иметь объяснения из числа приведенных выше решений. Выше также отмечалось, что общей причиной чествования В. Ф. Миллера было сразу несколько юбилеев. Однако их ни в коем случае не следует прямо связывать с ним даже только по биографическим данным поэта.

Как заметил С. Б. Сабаев, выраженные в строках стихотворения мысли – «На земле ты совершил все славные дела. Свою башню ты воздвиг» – часто встречаются в обиходной речи, когда произносят благодарственное слово в честь пожилых людей, совершивших благородное дело во славу Осетии [16, 97]. Как бы то ни было, мы уже отмечали, что последние строки стихотворения, ставшие «камнем преткновения» для исследователей, решивших, что они посвящены умершему человеку, должны восприниматься иначе.

Текст адреса в данном случае свидетельствует о подведении итогов не всей жизни человека, а только определенному его этапу, за который он совершил великое дело для Осетии. Адресат на момент поздравления был в полном здравии, но уже совершил то, что не под силу было кому-либо другому или даже многим в совокупности, проживи они свои жизни целиком. Это дает нам право полагать, что и К. Л. Хетагуров не просто обращался к нему от лица народа, но и стремился выразить чувства самого народа, что, в принципе, и подтверждает текст поздравительного

адреса.

Приведем и другие, подтверждающие такое положение факты. Так, в другом приветствии от Осетии отмечалось: «Перед осетинской интеллигенцией Вы открыли обширное поле для духовной работы, пробудили в ней национальное самосознание и народные творческие силы... От берегов бурного Терека до ущелий священного Рекома, в стране бурной Лиахвы и Гуджеретского нагорья раздался великий вздох облегчения, – началось просветление древнего исторического народа под говор родного печатного слова. И если, в сердце Кавказа, потомкам древних аланов-оссов суждено сделаться культурным народом, то этим он во многом обязан Вашим научным трудам... Благодаря Вашим трудам многие другие ученые заинтересовались нашей народностью и дали целый ряд капитальных трудов по исследованию нашей археологии, обычного права и истории. Труды Ваши преисполнены не только высокой научности, но они проникнуты и согреты уважением к нашему прошлому и любовным отношением к нашей настоящей судьбе. Четвертьвековая Ваша деятельность на этом поприще высокопочтенна. Сердечное спасибо говорит Вам осетинский народ, как сеятелю среди него разумного, доброго и вечного» [21, 267].

В одном из своих писем Г. Кесаев отмечал, что осетинский народ «... понимает себя только с появления среди наших гор Кавказа Всеволода Федоровича» [22, 92]. В телеграмме из Владикавказа в адрес юбиляра говорилось: «Глубоко благодарные иронии с восторгом приветствуют с юбилеем автора дорогих для них «Осетинских этюдов». Даæ царæн бон бирæ. Осетины» [18, 20].

В письме от первой осетинской общественной библиотеки-читальни, ор-

ганизованной в с. Ново-Христиановское (совр. г. Дигора), отмечалось: «25 лет тому назад впервые имя осетин, благодаря Вашим почтенным научным трудам, стало известно культурной Европе. Немногочисленный, забитый и судьбой и грозной горской природой, этот народ, по мнению многих, должен был постепенно вырождаться и, быть может, в недалеком будущем уже исчезнуть с лица земли. Но вот прошло несколько десятков лет, и этот маленький народец быстрыми и решительными шагами двинулся на путь культурных народов. Осетины только что увидели своими изумленными глазами все, что творится на белом свете, и с понятной Вам жаждой предалась решению благородной задачи – воспользоваться в возможно короткий срок результатами европейской культуры и пересадить все необходимое для народа на свою почву. Но, разрешая эту задачу, осетины во все не склонны забывать своих очень немногих благородных учителей. Осетины давно оценили по достоинству Ваши научные труды для их будущности и будут пользоваться каждым моментом и поводом, чтобы воздать Вам по заслугам...» [19].

Как мы видим, в данных посланиях наблюдаются прямые переключки с содержанием поздравительного адреса, написанного на осетинском языке, что подтверждает именно выражение общеосетинского, народного отношения к Всеволоду Федоровичу. Кроме того, когда организовалась первая Осетинская общественная библиотека-читальня, на ее общем собрании было принято единое решение избрать Всеволода Федоровича почетным пожизненным членом. На общем собрании он также был избран первым почетным членом Осетинского издательского общества «Ир». Соответствующий диплом был

зачитан и вручен знаменитому ученому на его упоминавшихся юбилейных торжествах, в которых осетины приняли самое активное участие.

Кроме отмеченных выше поздравительных адресов, юбиляру поступили поздравления и от «юных осетин»: «... шлют сердечный привет и благопожелания дорогому труженику на почве осетинской письменности». От учащих в Москве осетин прозвучали приветствия на их родном языке. Среди разноязыких тостов, звучавших на торжественном обеде, был провозглашен тост и на осетинском языке. Г. В. Баев в своем приветствии из Осетии писал: «... за краткостью времени осетины не могут приехать, чтобы «целою делегацией» почтить Ваш кувд» [20]. Таким образом, в сознании осетин данное торжество, несомненно, воспринималось как ритуальная трапеза, молитва, имевшая высокое религиозно-торжественное значение.

Такое выражение всенародной любви и почтения к В. Ф. Миллеру неоднократно фиксировалось исследователями. Например, тот же Г. В. Баев, прежде поздравляя В. Ф. Миллера со вступлением на должность директора Лазаревского института в 1897 г., писал: «С чувством глубокой радости мы, осетины, встретили весть о Вашем назначении на пост Директора Лазаревского института. Ведь Ваше имя настолько сроднилось с сердцем каждого осетина, что всякий успех Ваш на жизненном поприще есть, своего рода, наш народный праздник». В другом своем письме он отмечал: «... осетины с чувством глубочайшей благодарности вспомнили Ваши, многоуважаемый Всеволод Федорович, большие труды по делу возрождения из мертвых нашей народности, которая из всех горских племен Кавказа стремится войти в семью культурных народов... родная пе-

чать сыграла большую роль в этом деле и в будущем ей принадлежит сделать еще многое. Главным работником на этом поприще являетесь Вы и с Вашими трудами неразрывно связано дело осетинской письменности. Вы всех нас поддерживали в этом деле, за что глубокое Вам спасибо говорит вся Осетия» [21].

В 1904 г. состоялся очередной и наиболее представительный «Съезд законоучителей, учителей и учительниц церковных школ Северной Осетии, Владикавказской епархии». Фотография делегатов этого съезда была подарена именно В. Ф. Миллеру с надписью: «Автору «Осетинских этюдов» профессору Всеволоду Федоровичу Миллеру. От народных учителей Осетии. 1905 г.» [22]. В 1890 г. к составлению осетинского словаря приступил А. А. Кануков. И данный труд, кстати, особенно радостно встреченный К. Л. Хетагуровым [13; 179, 30], был опубликован в 1900 г. и с благодарностью посвящен автором В. Ф. Миллеру*. В 1906 г. при поддержке именно Всеволода Федоровича в свет вышло второе издание словаря, которое заменило в школах словарь епископа Иосифа.

Искренние любовь и уважение осетинского народа всегда сопровождали

* По дневниковым воспоминаниям С. Тхостова, К. Л. Хетагуров, находясь на лечении в Петербурге, 29 мая 1898 г. высказывал такую мысль: «Словарь вместо Миллера (Всево. Фед.) мы можем сами составить... Нужно только маленькое филологическое образование, знание латинского, греческого языков, обзавестись словарями санскритского, французского, немецкого языков, да маленькая подготовка...» (Научный архив СОИГСИ. № 268. П. 65. Л. 8). Полагаем, что поэт затем сам мог убедиться в том, что «маленькое филологическое образование» и «маленькая подготовка» и т. д. мало пригодны для подобной работы, а также оценить тот громадный труд, который был под силу в его время только В. Ф. Миллеру. Кроме того, данный эпизод дополнительно препятствует принятию гипотезы о посвящении «Салам» 50-летию В. Ф. Миллера.

жизнь этого великого ученого. Они навсегда остались в его сердце, проистекая не только из благодарности к тому огромному научному труду по вопросам истории и культуры народа, который явил миру Всеволод Федорович. Здесь особое место занимает высоко ценимое взаимное уважение. Не только цвет российской столичной интеллигенции, но и простые осетины навсегда остались очарованы обаянием деятельной и доброжелательной натуры Всеволода Федоровича.

А. Розенфельд в своих воспоминаниях писал: «Путешествуя в 1912 году по Кавказу, я прошел пешком по Военно-Осетинской дороге и побывал в некоторых из тех мест, где был В. Ф. Миллер. И вот в одном ауле, Тиб, где мне пришлось заночевать, я познакомился с местным священником, о. Александром (Кадзевым).

Вечером мы слышали где-то в горах песню. Я спросил его, не знает ли он содержание песни. Передав мне содержание маленькой пастушеской песни, о. Александр неожиданно спросил меня, не знаю ли я ученого, г. Миллера, который давно уже приезжал к ним из Москвы и записывал песни. Трудно описать ту радость, которая отразилась на лице священника, когда я ответил ему, что знаю Всеволода Федоровича. Странно было в глухом, затерявшемся среди снеговых гор, осетинском ауле, около коптящей светильни, наполненной бараньим жиром, в обществе человека, с заметным трудом подыскивающего русские слова, вести далеко за полночь беседу о далеком московском ученом, о народной поэзии, о науке, о возрождении осетинского самосознания и т. д. И чувство глубокого уважения испытывал я, видя, как оживился осетин-священник при воспоминании о мелькнувшем, как метеор, носителе

света знаний, успевшем надолго осветить его ум ярким огнем и вызвать такое глубокое уважение к науке и к личности представителя ее.

Когда старик, церковный сторож, сидевший тут же в саkle священника и пивший чай с нами за одним столом, понял, о ком идет речь, он также что-то долго говорил мне по-осетински, чего я, к сожалению, не понял, и что, как объяснил мне священник, также было его воспоминаниями о добром и ласковом господине из Москвы, который интересовался их простыми песнями и сказками» [23].

Именно такую память о себе оставлял в сердцах простых осетин Всеволод Федорович. Эта память наполнялась глубочайшим доверием к нему, открывавшим дорогу для выражения самых личных мыслей и чувств. Например, во время своих путешествий по Осетии В. Ф. Миллер близко познакомился с К. Гуриевым, жителем куртатинского селения Далагакау. Проникнувшись чувством искреннего уважения к исследователю уже в старости К. Гуриев просил в своем письме: «Если из моих двух сыновей кто-нибудь обратится к Вам за советом, то замените им меня и их самых близких родственников и подайте им совет» [23, 35].

Доверие к мудрости и авторитету В. Ф. Миллера, искреннее душевное расположение к нему, освещали не только сердце одного осетина, но и всего осетинского общества. Именно данными чувствами проникнуто и поздравление юбиляру, написанное на осетинском языке. Мы можем полагать, что в своем стихотворении «Салам» К. Л. Хетагуров сумел точно выразить именно отношение осетинского народа к В. Ф. Миллеру, которое полностью разделял и сам. Возможно, мы и ошиблись в некоторых частных определениях, но то, что дан-

ное стихотворение должно было быть посвящено именно В. Ф. Миллеру, теперь следует считать наиболее вероятным решением.

Следует согласиться и с предложением Т. А. Гуриева, что заглавие стихотворения лучше переводить на русский язык не как «Привет», а как «Приветствие» [2, 152]. Во-первых, такое восприятие подчеркивается приведенным поздравительным адресом. Во-вторых, в наследии Коста представлено и стихотворение «Привет», написанное на русском языке, идейное содержание которого не позволило бы и самому автору так перевести название своего приветствия В. Ф. Миллеру.

Написание «Приветствия» могло дополнительно диктоваться и тем, что сам поэт испытывал личную благодарность к ученому. Известно, что Всеволод Федорович всегда живо интересовался культурными достижениями осетинского народа, что было приятно его представителям и всегда учитывалось ими. Когда в 1899 г. вышло в свет первое издание «Ирон фæндыр», оно было незамедлительно выслано В. Ф. Миллеру. Исследователь так благодарил за этот дар в своем письме Г. В. Баева: «Сердечно благодарен за присылку «Ирон фæндыр»-а, который я прочел с большим удовольствием. Приветствую вашего даровитого автора и от души желаю ему успеха на этом плодотворном поприще. Да будут дружны, успешны труды осетинской интеллигенции в этом благородном народном деле!..» [23, 31-32; 18, 20].

Г. В. Баев информировал К. Л. Хетагурова о таком благожелательном отзыве на его труд. К. Л. Хетагуров, хоть и был крайне недоволен первым изданием своего сборника, судя по всему, был весьма польщен таким отзывом великого ученого, о чем можно судить

по его письму, написанному в конце 1899 г., в котором он прямо цитирует слова Всеволода Федоровича, особо выделяя слово «даровитого» [14, 237]. Возможно, именно данное событие следует считать «отправной точкой» в появлении идеи написания ответного приветствия всемирно известному ученому. Коста Леванович был хорошо знаком с трудами В. Ф. Миллера, очень высоко их ценя. Не будучи же лично знаком с выдающимся исследователем, он считал необходимым передавать ему свой поклон через А. А. Канукова [23, 123].

В письме Г. В. Баева к В. Ф. Миллеру замечалось: «Характеристика нашего Коста всех глубоко тронула... Портреты Ваши украшают теперь кабинеты любителей родного слова» [19,1]. Таким образом, уважение осетинского народа к Всеволоду Федоровичу находило и свое зримое выражение. Портрет ученого украсил, например, и второй номер литературного осетинского журнала «Зонд».

Как мы отмечали, не стоит хронологически привязывать стихотворение «Салам» к 1906 г. Душа поэта сама могла выбрать точку пересечения вдохновения, времени и дат для создания своего произведения. Оно же столь точно передавало чувство всего народа, что могло быть донесено до здравствующего адресата и в другой период, оставаясь для того столь же пронзительным и актуальным, как и для составителей адреса. Видимо, действительно не стоит перенапрягаться с решением проблемы наличия в стихотворении числа 100, а воспринимать его метафорически. Если нет точного ответа – остановись на самом простом.

Мы не будем выдвигать предположения по поводу причин изъятия строфы из окончательного варианта «Марды уæлхъус», какими бы вероятными

они нам не казались. Но появление ее в окончании стихотворения «Салам» могло бы получить возможное объяснение. Н. Г. Джусойты подметил, что последняя строка «Салам» как перефраз пушкинского «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» имеет параллель и в стихотворении Коста «Памяти А. С. Грибоедова», что лишний раз указывает на то, что сам перефраз не стоит связывать с посвящением именно А. С. Пушкину. Сближение другой строки стихотворения со строкой из стихотворения Е. А. Баратынского «На смерть Гете» [8,3] подвигает к мысли, что последняя строфа «Салам» являет образец совокупной переработки известных строк русских поэтов.

Мы знаем, что отцом В. Ф. Миллера был достаточно хорошо известный в России поэт и переводчик, преподаватель русского языка и литературы Ф. Б. Миллера. Сам великий русский ученый В. Ф. Миллер, получивший прекрасное образование и владевший многими языками, также не был чужд трудам по литературным переводам. Поэтому именно он мог по достоинству оценить эти строки, в которых были представлены творчески переработанные и переведенные строки из произведений русских поэтов, составившие теперь единое целое.

В Осетии всегда прекрасно понимали, какое значение имели труды В. Ф. Миллера для развития ее культуры. И такое осознание и ощущения, что очень важно, вполне совпадали и до сих пор совпадают с мнением представителей научного сообщества. Вне всякого сомнения, как само научное творчество, так и искреннее личностное служение делу изучения Кавказа ставят В. Ф. Миллера на самое видное место в кавказоведении тех лет. Вполне правы современные исследователи

в своем заключении: «Русские кавказоведы сделали ряд важных открытий, составивших блестящую страницу в истории не только отечественного, но и мирового историко-этнографического знания. Назовем здесь изыскания В. Ф. Миллера в области древней этнической истории народов Кавказа, доказательство им большой роли, которую играл в этом процессе иранский этнический элемент... труды Миллера... знаменуют вершинные достижения русского дореволюционного кавказоведения» [27, 7-8].

В рамках приведенного заключения полностью находит понимание и следующий вывод: «... подводя итог многогранной научной деятельности В. Ф. Миллера в Осетии, можно с полным правом сказать, что она составила целый период в осетиноведении – миллеровский период. Его труды, посвященные одному народу – осетинам, по полноте и глубине их содержания не имеют себе равных ни на Западе, ни в России; они явились высшим достижением, вершиной всего дореволюционного осетиноведения и вместе с тем основой для дальнейшего развития истории осетин на новой методологической основе» [22; 94, 151].

В. И. Абаев справедливо отмечал: «Один только Вс. Миллер сделал для изучения осетинского языка и народа во много раз больше, чем все зарубежные ученые вместе взятые» [28, 244]. В. Ф. Миллер стал и основоположником осетинской лексикографии, оказав большое влияние на развитие осетинского литературного языка [29, 154-156]. Вполне прав Т. А. Гуриев, так характеризуя роль В. Ф. Миллера в осетинском языкознании: «... именно Всеволод Федорович был тем ученым-гигантом, который явился основоположником осетинского исторического, в

определенной степени, теоретического языкознания. Благодаря В. Ф. Миллеру наука о языке осетин как бы проскочила промежуточные ступени развития и предстала перед миром уже в зрелом состоянии. Его наследие ныне входит в золотой фонд индоевропейского сравнительного языкознания и продолжает служить развитию осетиноведческой мысли» [30, 28].

Мы видели, с каким благоговением в Осетии относились к «Осетинским этюдам» В. Ф. Миллера. Данный труд получил самую высокую оценку и в мировом научном сообществе [31, 393]. Как справедливо указывал А. Максимов, их «... одних было бы вполне достаточно, чтобы обеспечить за автором крупное имя в науке» [32, 35]. М. М. Ковалевский отмечал: «... за Миллером останется честь начинателя в обширной области изучения языков нашего Кавказа. В заграничных университетах его знали, как того, кто открыл ученому миру осетинский язык, составил его грамматику и синтаксис, использовал его предания для исторического очерка его прошлого, научно поставил дело изучения кавказского фольклора, вообще, и осетинского, в частности» [33, 132].

Мы уже отмечали, что В. Ф. Миллер очень доброжелательно оценил первое издание «Ирон фæндыр». Его оценка высоко ценилась не только осетинской интеллигенцией, но и самим К. Л. Хетагуровым. Не менее искренней была и реакция ученого на известие о смерти поэта. В своем письме Г. В. Баеву от 10 апреля 1906 г. он писал: «Вчера вернулся из Италии, застал у себя на столе Ваше письмо с печальным известием о кончине симпатичного и талантливом осетинского поэта-самородка Коста Хетагурова. Даже при моем несовершенном знании Вашего языка я вполне оценил

в «Ирон Фæндыр» теплоту чувства, художественность выражения и красоту стиха безвременно сошедшего в могилу поэта. Многие из стихотворений Коста должны стать общенародным достоянием, если еще не стали таковыми. Будем надеяться, что даровитый народ, столь энергично стремящийся к просвещению, к завоеванию, приобретению общечеловеческой культуры, даст из своей среды других Хетагуровых, которые подобно Коста, будут вести его к свету и истине... Вашей немногочисленной семье всякая утрата отзывается особенно болезненно. Вполне сочувствую Вашей мысли издать в память Хетагурова особый сборник и познакомить нас с его биографией, признавая высокую нравственную пользу жизнеописаний лиц, боровшихся за человеческие права и народную правду...» [19,1].

Приведенные выше материалы ярчайшим образом отражают теснейшую, четко осознаваемую духовную связь осетинского народа с великим ученым и человеком – Всеволодом Федоровичем Миллером. Своими изысканиями, посвященными изучению языка, культуры и истории осетинского народа, он, действительно «построил свою башню», «памятник воздвиг себе нерукотворный».

Сам ученый считал себя уже вознагражденным за свои труды изъявленной благодарностью от имени осетинского народа. В свою очередь, он так выражал собственное отношение к народу и его лучшим представителям: «... без самих осетин, без ревностного участия осетинской молодежи не только в собирании памятников языка и словесного творчества, но и деятельной консультации путем писем и личных бесед, он никогда не сумел бы довести своей научной работы до желательного конца. Эти молодые люди достойны

того, чтобы родная им Осетия поставила им рукотворный памятник, на котором значились бы все их имена, как имена осетин, создававших и распространивших осетинскую письменность и национальную школу, и науку» [23, 41-42]. Заметим, не является ли упоминание «рукотворного памятника» указанием на установленную самим В. Ф. Миллером связь между стихотворными строками А. С. Пушкина и К. Л. Хетагурова?

Чувства уважения и сопереживания, выраженные в поздравительных посланиях из Осетии, были взаимны. В одном из своих ответов В. Ф. Миллер указывал: «Глубоко убежден, что общественная библиотека окажет огромную пользу трудолюбивому и даровитому осетинскому народу и особенно его молодому поколению в приобретении плодов европейского просвещения, к которому ироня и дигорцы стремятся с равным рвением. От души радуюсь, наблюдая успехи, достигнутые в этом стремлении осетинами в течение последних десятилетий... Фарн фæццæуи, фарн фæццæуи!» [23, 185-186].

В ответ на другой поздравительный адрес В. Ф. Миллер писал: «Я душевно тронут оказанным мне вниманием и сторицей вознагражден за свои труды в деле научного изучения языка, народного творчества и исторического прошлого Вашего способного и трудолюбивого народа – древнего сочлена индоевропейской семьи. Заинтересовавшись осетинами сначала только с историко-этнографической стороны, как потомками алан и сарматов, я из личных сношений с ними во время моих поездок по Осетии вынес самые отрадные впечатления. Я увидел перед собой народ живой, способный, интеллигентный, бодрый, несмотря на часто тяжелые условия существования,

стремящийся к просвещению... эти свойства Вашей народности возбудили во мне к ней искреннее сочувствие, которое руководило моими дальнейшими занятиями, направлявшимися время от времени к Осетии» [23, 38].

Искренность таких чувств по отношению к осетинскому народу подтверждается их разделением и семьей Всеволода Федоровича. Уже спустя многие годы, в своем письме председателю Осетинского историко-филологического общества его супруга Евгения Викторовна отмечала: «Посильно разделяя труды покойного мужа,.. я давно уже научилась ценить духовные качества осетинского народа и его высокие культурные стремления...» [19,4].

Мы вправе присоединиться к высказанному некогда мнению, что «... среди самих осетинов имя «Всеволод Миллер» сделалось почти священным: он открыл этому заброшенному народу его славное прошлое» [34]. Оно еще более точно было выражено М. М. Ковалевским: «Исторический Миллер на Кавказе сделался Миллером легендарным. Осетинский народ еще при жизни готов ставить ему памятник, так как он всего более содействовал пробуждению его самосознания... У нас немало ученых филологов, имена которых известны всем европейским академиям и университетам, но редкий из них сумел так связать с жизнью свои ученые исследования, как первый составитель осетинской грамматики, осетинского словаря и первый издатель осетинских легенд и сказаний» [23, 108; 18, 21]. И вновь речь идет о памятнике, что заставляет повторить соответствующий вопрос, что и по отношению к упоминанию «рукотворного памятника» самим В. Ф. Миллером.

Всеволод Федорович считал необходимым увековечить память о тех

осетинах, которые трудились на благо своей родины, в памятниках. Такого же мнения придерживалась и Осетия по отношению к самому В. Ф. Миллеру. Сегодня в Осетии стоят величественные памятники К. Л. Хетагурову. Но, если бы у нас была возможность задать соответствующий вопрос великому поэту, то почти не приходится сомневаться, что «даровитый» «поэт-самородок» непременно бы призвал своих соотечественников установить не менее величественный памятник тому, чье имя «среди самих осетин... сделалось почти священным».

И на этом памятнике должно бы было высечь известные нам поэтические строки К. Л. Хетагурова. Такой памятник, исторически объективно объединяющий образы двух великих людей, ученого и поэта, стал бы не только выражением народного уважения и благодарности к памяти знаменитого исследователя и человека, но и символом свершившегося возрождения самосознания народа, которому Всеволод Федорович, как и К. Л. Хетагуров, столь много и успешно содействовал.

-
1. НА СОИГСИ. Ф. К. Хетагурова. Д. 415. Л. 137 (70); Хетагкаты Къоста. Ирон фæндыр. Факсимилон рауагъд. Цхинвал, 1989. Ф. 155; Коста. Ирон Фæндыр. Владикавказ, 1907. Ф. 24-25; Коста. Ирон фæндыр. Биографи ныфыста Бажаты Гаппо. Цыппæрæм рауагъд. Берлин, 1922. Ф. 42.
 2. Гуриев Т. А. Воспетый гением // Известия СОИГСИ. 2008. Вып. 2 (41). С. 144, 145.
 3. Абайты В. И. Комментаритæ. Вариантæ // Къоста. Уацмысты æххæст æмбырдгонд. М.-Л., 1939. Фыццаг том.
 4. НА СОИГСИ. Ф. 159;
 5. Ардасенов Х. Н., Гутиев К. Ц. Примечания // Коста Хетагуров. Собрание сочинений в пяти томах. М., 1959. Т. I. С. 443.
 6. Джусоев Н. Г. Указ. соч. С. 90-91;
 7. Джусойты Н. Г. Коста Хетагуров (Очерк творчества). Сталинир, 1958. С. 177-183;
 8. Джусойты Н. Г. Пушкин и Коста // Социалистическая Осетия, от 16 июня 1981. № 138 (17903). С. 2, 3.
 9. Корзун В. Коста Хетагуров. Очерк жизни и творчества. М., 1957. С. 160-161;
 10. Габисова С. З. Указ. соч. С. 216-217;
 11. Габисова С. З. А. С. Пушкин и К. Л. Хетагуров // Осетинская филология: история и современность. Владикавказ, 1999. Вып. 3. С. 90-91 и др.
 12. Гутиев К. Ц. Комментарии // Коста Хетагуров. Собрание сочинений в трех томах. М., 1974. Т. I. С. 312.
 13. Коста в жизни. Систематический свод воспоминаний современников,

- собственных его свидетельств и других материалов. Цхинвали, 1989. Ч. II (По 1906 г.). С. 180-181.
14. *Коста Хетагуров*. Собрание сочинений в пяти томах. М., 1961. Т. V. С. 143.
15. *Чёнг Дж.* Очерки исторического развития осетинского вокализма. Владикавказ-Цхинвал, 2008. С. 91.
16. *Сабаев С. Б. А. С.* Пушкин и К. Л. Хетагуров // Венок бессмертия. Материалы Международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Коста Хетагурова. Владикавказ, 2000. С. 96-97.
17. *Kosta Khetagurov. Selected Poems. Interlinear translations by Tamerlan A. Guriev. Vladikavkaz, 2009. P. 32.*
18. *Гагкаев К. Е. В. Ф.* Миллер (биографическая справка) // ИСОНИИ. 1964. Т. XXIV. Вып. 1. Языкознание. С. 22.
19. Научный архив СОИГСИ. Ф. Лингв. Оп. I. Д. 43-5. Л. 5.
20. Научный архив СОИГСИ. Ф. К. Хетагурова. Оп. I. П. 7. Д. 57. С. 6, 7.
21. ЭО. М., 1907. № 1 и 2. С. 267.
22. *Васильева Л. М.* Проблемы истории Осетии в русской науке XIX века (историографический очерк). Орджоникидзе, 1975. С. 92.
23. *Калоев Б. А. В. Ф.* Миллер-кавказовед. Орджоникидзе, 1963. С. 184-185.
24. Известия СОИГСИ. 2009. Вып. 2 (41). С. 113, 120.
25. *Чибириков Л. А.* Предисловие // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвал, 1991. Кн. 5. С. 8.
26. *Хамицаева Т. А.* Предисловие // Миллер В. Ф. В горах Осетии. Владикавказ, 2007. С. 10-11.
27. *Анчабадзе Ю. Д., Волкова Н. Г.* Становление советского кавказоведения: традиции и эпоха (1917-1930-е годы) // Страницы отечественного кавказоведения. М., 1992. С. 7-8.
28. *Абаев В. И.* Состояние и задачи изучения осетинского языка // ИСОНИИ. 1957. Т. XX. С. 244.
29. *Козырева Т. З.* Из истории осетинской лексикографии // ИСОНИИ. 1964. Т. XXIV. Вып. 1. Языкознание. С. 154-156.
30. *Гуриев Т. А.* Всеволод Миллер и осетинское языкознание // Известия СОИГСИ. 2008. Вып. 2 (41). С. 28.
31. *Алборов Б. А.* Всеволод Федорович Миллер, как лингвист-осетиновед (Род. 7-IV 1848 г., скончался 5-XI 1913) // ИСОНИИ. 1925. Вып. I. С. 393.
32. *Максимов А.* Научные методы В. Ф. Миллера в этнографии // ЭО. М., 1914. № 3-4. С. 35.
33. *Ковалевский М. М.* Всеволод Федорович Миллер // ЭО. М., 1913. № 3-4. С. 132.
34. ЭО. М., 1914. № 3-4. С. 161.